Владимир Делба

Я СЧИЩУ, КАК СТАРУЮ КРАСКУ, ПЕЧАЛЬ

УДК 82
ББК 84(2)
Д 29

Делба В.
Д 29 Я счищу, как старую краску, печаль: − .:
, 2019. − 122 с.

УДК 82
ББК 84(2)

В оформлении книги использованы рисунки автора

© Делба В.М., 2019

«Поговорим о вещах необязательных
и потому приятных»
Фазиль Искандер

НА ФОНЕ ГОР СЕДЫХ

* *

ИЗ ТЕТРАДИ «АБХАЗСКАЯ ПАСТОРАЛЬ»

Над ущельем туман. Осень, красный закат
Цветом спорит со спелой хурмой.
Вдаль уходит холмов тёмно-синий каскад,
С мандариново-жёлтой каймой.

В чанах ждёт виноград, золотой, как янтарь,
Аромат над садами хмельной,
А густое вино, с песней давят, как встарь,
О, Джаджа[1], славим дар твой святой!

Завершилась страда и грядёт Благодать,
Время свадеб и девичьих чар.
Не устану, о Небо, и я восхвалять
Чудо осени, первый мачар[2].

[1] *Джаджа – богиня плодородия в абхазской мифологии.*
[2] *Мачар (амачар) – молодое вино.*

ОСЕНЬ В АБХАЗИИ

Лето уходит, и золота цвет
Осень вплетает в венок,
Поздних рассветов загадочный свет,
Пляжей прохладный песок.

Белые шапки холодных снегов,
Синюю дымку холмов,
Зелень далёких альпийских лугов.
Красные крыши домов.

Огненных перцев нежнейший коралл,
Жёлтых лимонов гряду.
Цвета безумство, осенний хорал,
Ода земле и труду!

Осень в венке и в одежде цветной,
Радость даря и задор,
Горы раскрасила, пенный прибой,
Бзыбь перешла и Кодор.

Запах каштановых досок и пчёл
Шумный сверкающий рой,
Над виноградною аурой сёл
Тучей янтарной, хмельной.

В пацхе уютной садимся за стол,
Вечер осенний, сырой.
К цепи очажной прикован котёл,
Словно фольклорный герой.

И, как веками сложилось, встаём,
Пенится в роге мачар,
Низкий поклон Небесам отдаём,
Благости принявши Дар!

Тосты по кругу, традиции дань –
За процветанье страны!
Предкам почтенье! Ушедшим за грань!
Слава Героям Войны!

Доброй энергии дивный букет,
Тостов неспешный вьюнок...
Лето уходит, и золота цвет
Осень вплетает в венок.

Группа альпинистов из Абхазии – Тенгиз Тарба, Дамей Агрба и Владимир Гулиа – покорила 11 января высшую точку американского континента – гору Аконкагуа, и установила на её вершине государственный флаг Республики Абхазия.

ОТВАЖНЫМ ПОКОРИТЕЛЯМ АКОНКАГУА!

Снегов чужих, слепящих, даль,
Вершин суровых кружева.
И тучи серые, как сталь,
А выше – неба синева.

Внизу, под нами – Аргентина,
Леса и океана гладь,
И горы – чудная картина.
И танцев пламенная стать.

Но это всё внизу. Забудем.
В виски стучится, как набат, –
Мы на вершине будем, будем!
Ещё немного! Руку, брат!

Стальные кошки крошат камень.
И вроде улеглась метель.
И солнца луч блеснул, как пламень,
Вершина, парень! Наша цель!!!

Шуршит в замёрзших пальцах ткань,
Очки скрывают наши слёзы.
О чудо, тянем к длани длань,
Сбылись мальчишеские грёзы!!!

Теперь пускай пройдут века.
Сжимаю крепко свой кулак!
И виден всем издалека
Зелёно-бело-красный флаг.

12 января 2014

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЗИМЫ

Где-то там, выше птичьих гнездовий,
У холодной границы рассвета,
Солнца луч заблудился багровый,
Злой и острый, как жало стилета.

Словно гений небесной корриды,
Одержимый безумною страстью,
Дальних гор ледяных пирамиды
Вмиг накрыл, как плащом, тканью красной.

И в безумстве раскрасить пытался
Звёздный полог небесного шёлка,
Но ослаб и в ущелье сорвался
Ливнем ярких кровавых осколков.

Засверкали в урочищах тёмных,
Как клинки из узорчатой стали,
И угасли, шипя, в травах сонных,
В безысходной тоске и печали.

Горы, будто стряхнув наваждение,
Словно пледом, туманом укрылись,
Отложив до поры пробужденье,
В сон глубокий опять погрузились.

Только ветер в расщелинах бродит,
С веток стылых листву осыпает,
Сам с собой разговоры заводит
И, устав, среди скал умирает.

❖❖❖

Киновари мазок осторожный
Тихо тает над синей грядой.
Время красок осенних, тревожных,
Разговоров с холодной звездой.

Время частых потерь, расставаний,
Одиночества в звёздной глуши,
Разрушительных самокопаний,
Тайных мыслей, томлений души,

Штормового прибоя ворчанье,
Продуваемый ветром перрон,
Крики чаек, как чьё-то стенанье
Над цветами чужих похорон.

Жёлтый дом с покосившимся шпилем,
Долгих серых дождей пелена...
И пишу я возвышенным стилем
О любви, что, как мост, сожжена.

МУЗЫКОЙ ДАЛЬНЕЙ

* *

❖❖❖

Музыкой дальней,
тканью печальной
стелется небо
над тёмным заливом звёздным.
Гаснут вечерние звуки.
Звуки и тени, нервные руки...
Звёздная небыль.
Вечер звучит негромко
в струнах дождя и ветра,
листьев неясный лепет.
Судьбы моей странный жребий
воплем вселенского страха
вдруг тишину расколет.
Сколько можно, о Боже?
Боже! Скажи – доколе?!

❖❖❖

Зябкий воздух. Над чёрною пропастью лист
серо-жёлтый в агонии скорбной кружится.
Не приемлет падения ниц.
Вот и я не приемлю, а лист...
Может, всё это просто мне снится?

Дальше что? Снова осень с остывших небес
долго, долго в ладони печалью стекает.
Донесу же холодный свой крест
сквозь замёрзший редеющий лес...
А зима неизбежно растает.

Я АНГЕЛА ВИДЕЛ

Я ангела видел – случайно, тайком –
лишь контур. Неясною тенью
на серой стене, будто белым мелком –
застывшее крыльев движенье.

По серому белым: параболой снов
и рифмы, застрявшей в дороге,
обратным движением стрелок часов.
Сомненья, метанья, тревоги.

Беззвучен полёт в измерениях иных.
(Путь торный, дорога светла.)
Я абрис предплечий увидел своих
и два невесомых крыла.

ВАЛДАЙ

От серебра замёрзших крон,
По куполам струится свет,
Стихает колокольный звон,
Плывёт над озером рассвет.

Иконы древней тёплый лик,
Душа причастием чиста.
И оставляет светлый блик
Строка, слетевшая с листа.

Несмелой рифмы кружева,
Небес высоких млечный свод.
И тают ночи покрова
В глубинах тихих тёмных вод.

❖❖❖

Отворю я замок позолоченной клетки,
И навеки оставлю распахнутой дверь,
Соберу я на паперти храма монетки,
И с сумою уйду то ли в Клин, то ли в Тверь.

Или старцем босым доберусь до Валдая
В чистых водах озёр свою душу омою,
В отражении Иверском тайну познаю,
И умру Просветлённым. И птицею взмою.

ПРОСТРАНСТВО НАД НАМИ

Пространство над нами – загадочный мир!
Сквозь синий ажурный витраж
Стекает, сочится небесный сапфир,
Тягучий как сон, как мираж.

Божественный синий, оттенков не счесть,
Гармонии тонкая грань,
И в звёздах своя недосказанность есть,
Небесной поэзии дань.

Свод неба, как в храме, и строг, и высок,
Но утро изменит пейзаж,
И рухнут осколки сапфира в песок,
Рассеется звёздный мираж.

КРОВАВЫЙ ЗАКАТ

Вечер. Неба багровая даль.
Солнце, плавясь, стекает по крыше.
В доме, где поселилась печаль,
Звуки ранят, прошу тебя – тише!

Ранят слёзы и нервный твой смех,
И тоскливое хлопанье ставен,
Силуэты бесплотные тех,
Кто ушёл, и кого я оставил.

А в углу твой старинный мольберт
Заблудился в тяжёлых гардинах,
Тайн хранитель, хороших манер,
Помнит всё, что на этих картинах.

Вот такой же кровавый закат,
И деревья пустынного леса
Как монахи, безмолвно стоят,
В терпеливом преддверии мессы.

Пахнет воском скрипучий паркет,
Заплывает в открытые двери
Звук органа и скрипки, о, нет –
Вновь готов я в любовь твою верить!

Когда дальний протяжный аккорд
Растворится в обоях бумажных,
Жизнь моя – нерешённый кроссворд –
Может выставить счёт мне однажды.

НОЧЬ, КАК ПТИЦА

Ночь, как птица, стучится в окно
Рваным ритмом сомнений былых,
Мне смирится пора бы давно,
Я игрушка в ладонях чужих.

А рассвет, как последний причал,
Избавленье от призрачных пут,
Синеве, словно хрупкий бокал,
Я души подставляю сосуд.

Жадно пью этот синий настой,
Звёзды острые ранят гортань,
И инверсии млечной чертой
Ухожу за рассветную грань.

❖❖❖

Лауре Тарнава

Во сне, кудрявый, как Давид,
Повергши льва, шагнул под арку,
И превратился вмиг в Петрарку,
Пахучим лавром весь обвит.

В Тоскану сон меня влечёт,
И пусть вас не смущают слёзы,
Что мир реальный мне, что грёзы? –
Толпы презренье иль почёт.

Босые ноги, ветхий плащ, –
Во мне легко узнать поэта,
И душу рвут слова сонета,
Далёкой арфы тихий плач.

И шёпот дальней той струны
Во мне будил воспоминанья,
Беспечной юности метанья
И чувство горькое вины.

Бескрыл, беспомощен поэт
Во власти острых стрел Амура
А эхо вторит мне – Лаура...
И флейта вторит, и кларнет.

И знаю ли, где явь, где бред,
Владимир я или Франческо,
Мой Alter ego или тёзка?
Лаура – звёзд холодных свет!

❖❖❖

Ночь несёт на крыле волшебство,
Синий конь с нетерпеньем храпит,
Бьёт копытом, искрится гранит,
Новый год, как всегда, торжество!

Новый год исполняет мечты,
Звёзд лучи, как посланцы планет,
И читает нам звёздный сонет,
Ангел в белом, прекрасный, как ты.

Ангел в белом, смиренно молю,
Ночью звёздной пошли благодать,
Чтоб и я смог сонеты слагать
Той, кого беззаветно люблю.

Той, снежинке, придуманной мной
Между явью и радостным сном,
Что растает над ярким костром
И взойдёт в чёрном небе звездой.

❖❖❖

Диане, в День рождения

Я счищу, как старую краску, печаль
С ночного левкаса души.
И светлых мазков мастихинная даль
Аккордом взорвётся в тиши.

И в дали реальной, под небом иным,
Над морем ворчливым паря,
Мелодией дальней, курьером ночным,
Разбудит внезапно тебя.

АВГУСТА ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЁТ…

❖❖❖

Жителям Ткуарчала,
отстоявшим свой город

Абрис гор, если снизу смотреть,
Как древний кинжал стальной,
Горстью зазубрин к небу взлететь
Стремится наст ледяной.

Нервною линией, ударом под дых,
К горам прилепились дома,
В подбрюшье кинжала, у кряжей седых,
Тот город накрыла война.

Закрыла блокадой, как старую дверь,
Все нити жизни порвав,
Прокралась в души тревога-зверь,
Улыбки, как скальп, сорвав.

Улиц пустынных крутая спираль,
Окон-бойниц чернота,
Чёрных на белом, столбов вертикаль,
Деревьев немых нагота.

Холод и голод, страданья и страх,
Иногда лишь тревожный сон.
Если приходит к людям в домах,
В обложенном городе, он.

Каплею глухо снег талый стучит,
В висок, и в миски фаянс,
Камертоном в ушах этот ритм звучит,
Воды и жизни альянс.

Водит по улицам стылая ночь
Неясных теней хоровод,
Город не в силах ночь превозмочь,
Чёрен зимы небосвод.

Тают жизни, как воск, как туман,
Будто мерцанье лампад,
Реальность ли или вселенский обман –
Звёзд ледяных камнепад.

Доколе, Создатель, нам чаша сия?
Шёпот, изгибы рук,
Но хмуро висит небес кисея,
Замкнут блокады круг.

Но холод на сносях, тает лёд,
И значит, помощь придёт,
Ожившей пчелою гудит вертолёт,
Машину Надежда ведёт.

Наступят весна и лето тревог,
Зреет Сентябрь, и вот, –
Руки сжаты до хруста. Рывок,
Криком наполнен рот.

Жаля кожу, кипит металл,
Свинец лавиною с гор,
Чёрный металл, как угля кристалл,
Огнём бороздит косогор...

Приснилось всё это? – Себя он спросил.
Я ж толстую книжку читал!
Но в памяти имя огонь воскресил –
То город шахтёрский, Ткуарчал!

Свободный город свободной страны,
Граниту имён не счесть,
Воткнут в землю кинжал войны...
И сонм поминальных свеч.

Август 2013

ПАМЯТИ САИДЫ ДЕЛБА
И ВСЕХ ГЕРОЕВ, НЕ ВЕРНУВШИХСЯ С ВОЙНЫ

Я, к сожалению, не знал её. Хоть мы и носили одну фамилию.

Роковой август нагло вторгся в привычный круговорот жизни, разом изменив судьбы людей. Юноши и девушки, забыв об учёбе, книгах, мороженом и кино, переоделись в камуфляж, отложив радости мирной жизни на потом. И наряду с взрослыми ушли в ночь, зная, что не всем суждено вернуться. Но другого решения для них не существовало.

Обычно грубый ремень автомата оставляет след на плече, на коже. А если это плечо юной хрупкой девушки? Но кто из них думал о каких-то следах на коже. А тяжесть автомата была ничтожной по сравнению с тяжестью обрушившихся небес.

И они приняли как данность навязанную войну, без паники и страха. С верой в Победу!

Когда думаешь о них, о молодых, о детях, по сути, принявших на себя удар страшнейшей военной машины и выстоявших, даже ценой собственной жизни, на глаза наворачиваются слёзы.

В пронзительных стихах Саиды предсказана её судьба. Поразительно, но, девушка, рождённая для любви, материнства и долгой счастливой жизни, пишет о грядущей гибели совсем без страха, без излишней патетики, без театральной жертвенности. Ведь платить столь высокую цену, отдавая самое дорогое, что есть у отдельного человека – Жизнь, можно только когда идёт речь о спасении Родины!

Саида оставила нам прекрасные стихи – талантливые, берущие за душу. И удивительно светлые. Она умела отдавать каждой строчке, каждой фразе часть себя.

Я рискнул посвятить Саиде и всем, павшим за Родину, рифмы, родившиеся в моей душе.

❖❖❖

Свечой, что пламенем дрожит,
Птенцом из тёплых рук,
Судьбы пунктиром путь лежит,
Разорван жизни круг.

Дорога та, в грозу и зной,
Детей уводит в ночь,
И нет для них Судьбы иной,
Разлуку превозмочь.

Балкон зелёный, тёплый плед,
Цветочный аромат,
Былых мечтаний тает след,
Другой грядёт формат.

Беспечный августа полёт
Над горною грядой,
Прервал военный самолёт
Сорвавшейся звездой.

И август, льдом холодным став,
Реальность изменил,
Природы краски разметав,
О лете позабыл.

Хорея ритм поэт прервал,
Набросил камуфляж,
И юность разом оборвал
Из пуль и бомб коллаж.

В блокноте стылом пишет дочь,
Проститься не успев,
Дорогой Той уходит в ночь,
Под звёзд глухой напев.

Её блокнот, а в нём стихи,
Найдут после Войны,
Спешащий почерк, слёз штрихи,
Но букв ряды стройны.

Струной прощальной стих поёт,
И жизнь всего одна –
«Но горе выпито моё,
До капельки, до дна».

Когда земля вокруг в крови,
Не задавай вопрос,
Ответ Победой назови,
Днём Радости и Слёз.

А горы в трауре, как Мать,
Чей силуэт в ночи,
Победы радость, слёз печать,
Дрожащий свет свечи...

Сентябрь 2013

СНЫ О ВОЙНЕ

Эллипс чёрный залива –
Обитель плача и стонов,
Смотри – небо кровью залило,
В ней звуки медленно тонут.

Пустыми глазницами окон.
Слезятся домов громады.
Хрупкий надежды кокон –
В церкви горит лампада.

Раб вселенского страха,
Безмолвный, безлюдный город.
Клочья кровавого мрака
И дыбы скрипучий ворот.

А помнишь, совсем недавно,
Дождя серебряный полог
Спускался на море плавно,
Сверкающей влаги полон.

И волны цвета сапфира,
Матовым жемчугом стали,
Будто волей факира
Вмиг синеву растеряли.

Накрыло пологом влажным
Залив и холмов вереницу,
Древней крепости башни,
Деревья, крыш черепицу.

Вплелись в серебро покрывала
Жемчужные нити прибоя,
И в воздухе дивном звучало
Мажорное рондо гобоя.

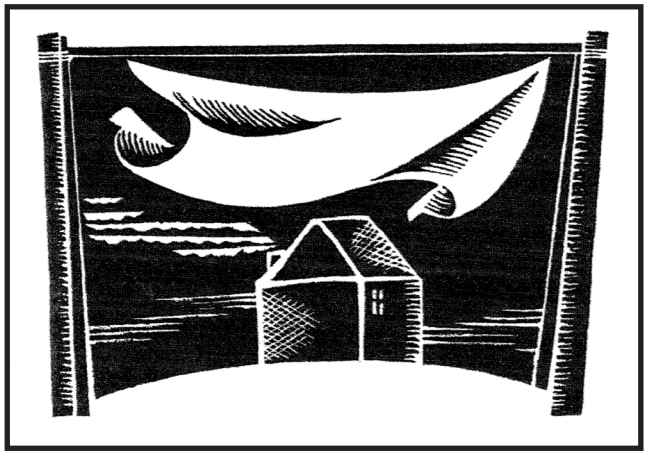
И вторя аккордам дальним,
Над зеркалом моря жемчужным,
Твой голос летел хрустальный,
Волнующий и зовущий!

И я, как Икар отважный,
Мелодией окрылённый,
Мечтал воспарить бесстрашно,
Как в Солнце, в тебя влюблённый!

И синий цвет неба вернулся,
И пали дождя одежды,
Волос я твоих коснулся
С радостью и надеждой.

Но... кто-то рукою жёсткой,
Грубо сон обрывая,
Плоть его взрезал хлёстко,
К реальности возвращая...

И снова плывут над заливом
Волны плача и стонов,
Свод неба кровью залило,
И звуки в ней медленно тонут.

ИЗМЕРЕНИЕ СИНЕГО

* *

❖❖❖

Контур неясный синеющих гор,
Звёзд беспристрастных балет.
Космоса синий безбрежный простор
Рифмой рисует поэт.

Магия – кобальта синего цвет,
В синюю Вечность окно.
Зимний, прозрачный и зябкий рассвет,
Терпкое в кубке вино.

Словно рисунок дрожащим пером,
Стих продолжает поэт.
В новом пространстве и в цвете ином
Призрачен твой силуэт.

Звёздной синкопой, аккордами струн
Над мирозданьем парит.
Краскою синей, как пенный бурун,
Мастер великий творит.

Плавятся в тигле индиго года
Синью окрашена даль.
И у дороги пустынной всегда
Синяя бродит печаль.

Строки ложатся, как кисти мазки.
В дымке пустынный причал,
Синие кони у синей реки.
Детство. Начало начал.

И только здесь, в этой синей тиши,
Я обретаю покой.
Мост перекинут в обитель Души[1],
Я возвращаюсь домой.

[1] Почему слово – Душа – с большой буквы? Само название Абхазии – Апсны, что переводится как Страна, где живёт Душа. Или – Обитель Души.

ВАРИАЦИИ ДЛЯ СИНЕЙ СТРУНЫ

Цвет небесный, синий цвет...
Н. Бараташвили,
пер. Б. Пастернака

1.
Цвет синий славил Николоз,
Гор дальних, неба пастораль,
И Пастернак, во власти грёз
Воспел Вселенной синей даль.

Печали синюю струну,
Прозрачный чей-то силуэт,
Очей любимых синеву,
Разлуки скорой синий цвет.

Тумана синего клубы
Над чёрной мраморной плитой.
И запоздалые мольбы
За гранью плоскости иной.

Где обретёт душа покой,
Где щедрый и неяркий свет,
Небесный свод над головой
Окрасит в тёмно-синий цвет.

2.
Чей-то далёкий испуганный крик,
Путы кошмарного сна.
В зеркале синем серебряный блик,
Как на висках седина.

В синем тумане проходят года,
Их завершается бег,
Жизнь растворяется в нём без следа.
Тает, как мартовский снег.

Знаю, увижу в назначенный час,
Знак, предназначенный мне.
Бликом неясным уйду я тотчас,
И растворюсь в синеве.

Сквозь амальгаму я тенью пройду,
Как отраженье души.
И успокоюсь, себя обрету,
В синей, бескрайней тиши.

ПУТЕШЕСТВИЕ С ХУДОЖНИКОМ В СТРАНУ ДУШИ

Диане Воуба

Синевы беспредельную даль
Разбелила ты кистью во сне,
И картину, небес пастораль
Закрепила на чёрной стене.

И открылось в том радостном сне
Вдруг окно в измерении ином,
Где легко невесомому мне
Бликом быть в дивном мире цветном.

Бликом, светом и просто мазком
Краски синей по слою белил,
Или стать ятагана клинком
Что угрюмый абрек оголил.

Будет жёстким его хищный блеск,
Взрежет хрупкую он пастораль,
И заката кровавый гротеск
Вмиг затмит сине-белую даль.

И борюсь я во сне сам с собой
За картину на чёрной стене.
Там, где небо и синий прибой
И покой уготованы мне.

Где дождей, отшумевших в тиши,
Песню помнит тот синий картон,
Где дорога в Обитель души –
Синевы и белил полутон.

И во сне я в Адзюбжу вернусь,
Подожду терпеливо рассвет,
Сине-белым мазкам улыбнусь,
Лёгким бликом уйду в синий цвет.

ПРОЛЕТАЯ КУКУШКОЙ НАД ЧУЖИМ ГНЕЗДОМ

* *

Говорят, что кукушка подбрасывает в чужие гнёзда своих птенцов. Со мной всё наоборот. Чьи-то строки порой оказывают на меня крайне сильное воздействие, ввергая в беспричинное беспокойство и тревогу, провоцируя записывать разбуженные эмоции. То есть таскать чужие яйца.

Есть на Никитской тихий особняк,
Тень Бунина под сводами витает.
И почему-то сердце замирает,
Когда ты здесь... Я не пойму никак!

«Аллеи». Виктор ЗЛОБИН

У «АЛЛЕЙ» В ПЛЕНУ

Виктору Злобину

Бескрылой тенью снова я парил
Под сводами заброшенного дома.
Сдувая пыль с семейного альбома,
Смеясь и плача, что-то говорил.

Искал нить Ариадны в темноте,
Брала в полон коварная истома.
Не знаю, есть ли сердце у фантома
Ведь что-то замирало в пустоте.

Порой, казалось, слышал голос твой,
Печальный голос, ты стихи читала,
Как будто грусть в слова свои вплетала,
В венок осенний, золотой листвой.

В окно светила полная луна,
Видны в нём были башенки и шпили,
Во всей округе свечи погасили,
Звучала одинокая струна.

Готов идти я снова к алтарю.
Рву нить времён, к истокам возвращаюсь,
Опять в тебя безумно я влюбляюсь,
И Провиденье вновь благодарю.

И я молю, чтоб это был не сон...
Но бьют куранты, ночь уйдёт, прощаясь.
И старый дом, в заливе отражаясь,
Растает, со струною в унисон.

Октябрь 2013

Канал струится светлоглазою водою,
и белокурая лагуна грезит
о рыжих и распутных венецианках Тициана.
И в каждом розовостёклом фонаре
Трепещет лепесток той, ренессансной,
очарованной зари.
Даже в полуденном мареве,
когда зерцало небес
задышано до мутного серебра.

«Венецианское зерцало».
Татьяна ВИНОГРАДОВА

ПАРАФРАЗ

Плёночные камеры подводят, память иногда тоже.
Остаются стихи

Татьяне Виноградовой, с восхищением

Небес разбитое зерцало
сочится тёмным серебром,
Металлом капает в каналы,
в лагуне стелется ковром.

Трамвай речной с названьем странным
пыхтит под аркою моста,
Гондол кочующих стараньем
в каналах шум и суета.

Толпы вселенский пластилин
прилип к палаццо и соборам,
Времён ушедших нафталин,
к манерным тяга разговорам.

И только Сан-Микеле прост,
деревьев караул усталый,
Между двумя мирами мост
в рукопожатье запоздалом.

❖❖❖

Лорду Байрону

Дружище Байрон, ночь темна,
Дрожит свечи неяркий свет,
Скрипит паркет, придёт она,
Не торопи же ты рассвет.

Сгорает в жаркой страсти ночь,
Томленье, стон, полёт души!!!
Но пустоту не превозмочь,
Победой новой грезишь ты.

Увы, барон мятежный прав.
И впрямь наивна та мечта,
Весь женский род, сперва обняв,
Поцеловать в одни уста.

❖❖❖

Михаилу Синельникову

В лабиринтах туманных сознанья,
В зазеркалье непрожитых лет,
Как смешны мне былые признанья
И восторга наивного бред.

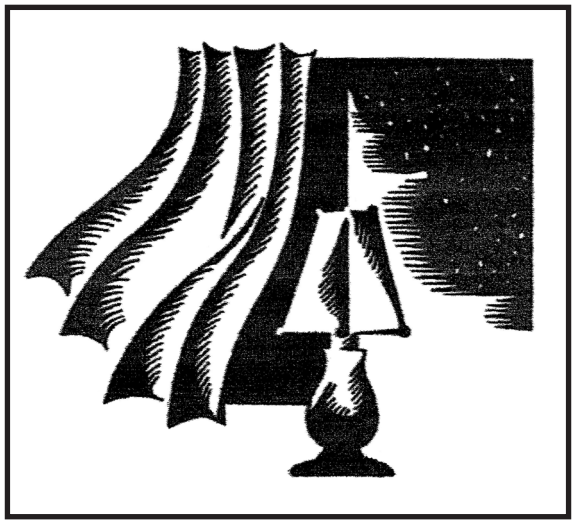
Годы мчатся, как поезд в тумане,
Замыкается Вечности круг,
И слышны только ночи дыханье
Да плывущий над рельсами стук.

Метроном ли мне век отмеряет
Нудным ритмом вагонных колёс,
Ну, а может, кукушка считает
Годы те, что без пользы пронёс?

И с усердием странным итожа
Цепь ошибок моих и грехов,
Звук мелодии свяжет с похожей
Лёгкой грустью знакомых стихов.

Их поэт одинокий со сцены
Произносит в бескрайнюю тишь:
«И свои позабудешь измены,
И устало чужие простишь»!

Прежде чем завершится движенье,
Я с надеждой прозрения жду,
Сам, прощеньем добывший прощенье,
В зазеркалье с улыбкой войду.

ДЖАЗ. «КАМЕРТОН»

* *

В юности, слушая джаз, квартет Дейва Брубека с темой «TAKE FIVE», закрывал глаза, и подсознание рисовало яркую, живописную картину, очень похожую на «Тетрис. Камертон» Дианы Воуба. Поразился, увидев её воочию спустя пятьдесят лет.

❖❖❖

Диане Воуба

Синий ромб, а может, квадрат,
В призрачном свете дрожит,
А может, кубов сине-чёрных парад,
Картиной в простенке висит?

Музыкой нервной, ритмом кубов,
Рождается новый цвет,
Окрасил пространство, плоскости снов,
Синий слепящий свет.

Мелодией синей вмиг пропитал
Тела и стены квадрат,
Квадрат музыкальный изгоем стал,
Другой геометрии брат.

Не следуя ритму, ворвался альт,
Внезапно нарушив счёт,
Квадрата привычный взорвал базальт,
Ломая нечет и чёт.

Всё необычно, отблеск огней
В линзах очков роговых,
Нет в синем мире этом сильней
Латуни звуков живых.

Пробуем с пятой, Пол Дезмонд рад,
В жилах не стынет кровь,
Рисует стаккато синий квадрат,
Ритмом рождаясь вновь.

И синею краской, основой основ,
Вселенский Джазмен опять,
Квадраты, кубы Геометрии снов,
Считает на раз, два, три... пять.

❖❖❖

Дрожит во тьме глазок зелёный,
Уже недолго, скоро Час,
И голос, в бархат облачённый,
Объявит снова – «Time for jazz»!

И потекут волной небесной,
Раздвинув суетный эфир,
Аккорды музыки чудесной,
И затаит дыханье мир.

По звёздным рельсам нотных строчек
Промчится ритмом Дюка «Train»,
И где-то на задворках ночи
Звук будет мучить Джон Колтрейн.

И на иных, чужих широтах,
Вспотевший смуглый весельчак
Сыграет, позабыв о нотах,
Надев на голову колпак.

Хрипит мой старый «Телефункен»,
Теряет радиоволну,
Почти не слышу город Мюнхен,
Бейрут не слышу, Анкару.

Я знаю, завтра отзовётся
Эфиром вновь блаженства час,
Рефреном «Поезд А» ворвётся,
И воцарится в мире джаз.

❖❖❖

Песок в часах смиренно утекает,
В регистры душ мелодией струясь,
То трепетной синкопой возникая,
То в блюзовом миноре затаясь.

Блуждает в тёмных лабиринтах блюза
Сентиментальный тенор-саксофон,
Хрипит в мансарде рудимент Союза –
Усталый старый мой магнитофон

Сыпучий шорох дальнего фруллато,
Ещё квадрат! Уже звучат басы...
Дрожит рука, пытаюсь воровато
Перевернуть песочные часы.

❖❖❖

Бутыли мутное стекло,
Стакан разбитый, запах дыма,
И время как-то странно шло,
Невнятно бормоча Жобима.

То самба, то тягучий блюз,
На яркий свет слетались тени,
Текла душа в открытый шлюз,
В блаженство мастеря ступени.

❖❖❖

Таял в дымке далёкий причал.
Чашка кофе – вечерний трофей,
А с террасы негромко звучал
Ритмом грустным бразильский «Орфей».

ВОКРУГ ПОЛУНОЧИ
«'ROUND MIDNIGHT»

Вариации на тему

Памяти Декстера Гордона

1.
Растворил в тихой синей прохладе
Ноты джаза усталый солист,
Завершая привычной руладой
Свой прощальный вечерний плейлист.

Гаснут медленно звуки, как свечи,
Под мостами, над сонной водой
Расстилает над городом вечер
Полог звёздный магический свой.

Ни следа от недавней бравады,
Саксофон остывает в тиши,
И звучанье апрельской баллады
Затихает в глубинах души.

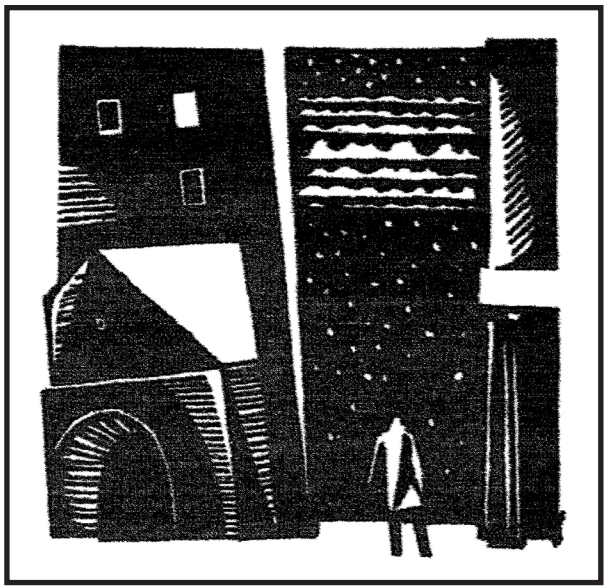
И в мансарде убогой Монмартра
Повторяет знакомый рефрен,
Как молитву, как странную мантру,
Тёмнокожий безумный джазмен.

Снова вечное судеб движенье,
На стене тени нервные рук,
Вновь начнётся мелодий круженье,
В ноль часов, полуночи вокруг.

2.
Звук, осторожный, как дыханье,
То тихим тремоло дрожит,
То мощным свинговым звучаньем
В регистрах ночи ворожит.

И снова странное скольженье,
Импровизаций, ритмов, нот,
Судьбы и музыки сплетенье,
Полуночи привычный код.

Октавы сложная орбита –
Последний джазовый форпост:
Саксофонист в лучах софита,
А над планетой – звёздный мост.

АККОРДЫ ТЁМНОЙ СТРУНЫ

* *

ГРАНАДОЮ ЛОРКИ

1.
Над улицей, бегущей с горки,
Плывут соцветия граната,
Вплетает горе в строки Лорки
Осиротевшая Гранада.

Протяжный стон гитары дальней,
Как эхо, в чёрном крепе тает,
Свинцом горячим, кровью алой,
Розаном красным расцветает,

И ангел мраморный бескрылый,
Фонтана слыша шёпот слёзный,
Склонится на рассвете стылом
В печальном покаянье позднем.

2.
Как кровь, стекают строки
С измятого листа.
Скитания, дороги,
Вокзалов суета.

Холодных рук касанье
Сквозь паутину снов.
Потери, расставанья
Судьба пророчит вновь,

Рассвета пылью звёздной
Мостит в потёмках путь.
Солеа[1] рифмой слёзной
Вернусь, когда-нибудь.

Курка щелчок зловещий,
Засовов ржавых стон,
Небесный купол вечный,
И колокольный звон.

[1] Солеа – поэтический стиль, характерный для поэзии Ф.Г. Лорки.

3.
Над слёзной родиной поэта
Фламенко в муках умирает,
Цыганский табор ночью этой
В долине призрачной растает.

В проулках стены пахнут пеплом,
Скорбят Альгамбры древней камни.
Монахи в одеянье белом,
И чёрные глухие ставни.

:

❖❖❖

Аллеей тёмной сквозь ажур беседки,
Пробравшись в мир рассветных сновидений,
Я словно соткан из былых сомнений,
Как визави трагической рулетки.

Играю снова я, Судьба-орлянка,
Зависим от игры, щелчка металла.
В зрачках кровавой веткою коралла
Окрашена вся жизнь моя, беглянка.

Откуда шёл, пришёл куда? Не знаю.
Провис мой парус, сломан компас медный,
И отчий дом уже, как плод запретный,
Как след фантома, лишь воспринимаю.

И даже здесь, за хрупкой тонкой гранью,
Во сне, душа покой не обретает,
В тоннелях тёмных, как свеча, сгорает,
Чтоб возродиться вновь небесной тканью.

Спустил курок. И снова передышка,
Затишье и вращенье барабана.
Трагические игрища ль нагана,
Или Судьбы безжалостной насмешка?

И вновь в поту холодном просыпаюсь,
Виденья ночи в муках вспоминаю,
Раба в себе и труса распинаю,
И очищаясь, каюсь, каюсь, каюсь...

Октябрь 2013

❖❖❖

Снов уютных, предрассветных
Закружилась карусель.
Лиц и образов заветных,
Чувств былых игривый хмель.

Там, над улицей тенистой,
Будто птица, я лечу.
Солнца нитью золотистой,
Парус прикрепив к плечу.

Спорит с золотом Светила
Тёмно-синий моря цвет,
Нежных облаков белила,
Как волшебный амулет.

Треплет кудри ветер пряный,
Скоро ночи звездопад,
И закат мазком багряным
Красит землю невпопад.

Знаю, сон к концу стремится.
А проснувшись, без ветрил
В землю тёплую вонзится
Тот, кто небо покорил.

❖❖❖

Подсвечник медный, вечер, свечи.
За окнами метели пенье,
Мохнатый плед укутал плечи,
К стихам неясное влеченье.

Печаль наполнила глаза,
Воск медленно, покорно тает,
Как запоздалая слеза,
На медь подсвечника стекает.

Танцуют тени свой балет,
Как в тусклом зеркале старинном,
Её увижу силуэт,
В венчальном платье, белом, длинном.

Забуду я про седину,
Отброшу плед, и в чёрном фраке,
Свои колени преклоню
В зеркал холодном полумраке.

И роем гаснущих свечей
Нас старый вальс-бостон закрутит,
Безумства жарких тех ночей,
Давно забытых, вдруг пробудит.

И вспомню я, склонив главу,
Аккорды музыки прекрасной,
Тот город, вальс, как наяву,
Закат вдали кроваво-красный.

И снова, как в прекрасном сне,
Как в фильме старом, мы кружимся
Щека к щеке, в зеркальной мгле,
Лишь пробуждения боимся.

Курантов звон, окончен бал,
Сгорели и погасли свечи,
Цветка бутон с руки упал,
Уйду за Грань, к тебе, до встречи.

И там, где Вечный вальс звучит,
Где свет живой в стекле играет,
Тревога, что в душе лежит,
Как пряный воск, сгорев, растает.

❖❖❖

Аллеи сумрачных теней,
Сонетов строчки невпопад.
Порывы ветра, листопад,
И отблеск призрачных огней.

Виолы тёмная струна
Вдали звучит и душу рвёт –
Куда-то за собой зовёт.
А в небе полная луна.

ИЗ РАННЕГО

* * * * * * * * * * * * *

❖❖❖

Памяти Федерико Гарсия Лорки
Памяти Антонио Мачадо
Памяти всех ушедших поэтов

Укутал город полог звёздный,
Напев гитары льётся странный,
Её дрожащий звук гавайский
Звучит мелодией печальной.

Назвал поэт гитару жертвой
Пяти стальных кинжалов острых,
В протяжном плаче иберийском
Я слышу стон с родных погостов.

Стенанья, слёзы и невзгоды,
Своё в том плаче слышит каждый
Как в звездопад, уходят годы,
И путь закончится однажды.

Пока же в призрачном тумане
Плывёт мой галеон упрямый,
В тревожный мир воспоминаний
мистраль его уносит пряный.

Туман вдыхаю, суждено ли
Рассвет увидеть долгожданный,
Заветный первый Солнца лучик,
Дрожащий, тонкий и желанный.

Наполнит светом старый парус,
Слегка с туманом поиграет,
Пока туман, как мягкий гарус,
Падёт на волны и растает.

Расправив крыльями ветрила,
Лечу я коридором света,
Туда, где Прошлое застыло,
Мечтаю я спасти Поэта.

Как трудно сквозь песок и время
Прорваться в сонную Гранаду,
Грехов чужих пригнуло бремя,
Свинец бормочет серенаду.

Провисли паруса Надежды,
И умер тихо ветер пряный,
Не приведя корабль к цели,
В Гранаду, где рассвет багряный.

Ещё один уходит в Вечность,
Но след земной и вправду светел,
Порою имя – Федерико –
Я слышу, тихо шепчет ветер.

❖❖❖

Восток окрасил цветом крови
Крыло холодного рассвета,
Сырой песок, как слёзы вдовьи,
Смыл след того шального лета.

Ушли в песок его безумства,
Забыт вкус поцелуев нежных,
Аккорды струн гитар печальных
Не будят чувств тех самых, прежних.

Восход осенний, неба холод,
В душе моей живёт тревога,
По Солнцу и по лету голод,
Куда лежит Судьбы дорога?

Безмолвный город над причалом,
Песок холодный, волн ворчанье,
Балкон знакомый, окна в алом,
Ворот ажурных скрип, стенанье.

Бездушный мрамор, крест и роза,
Письмо, а в нём девичий локон,
Всё, что осталось мне от лета,
Разорван жизни тонкий кокон.

И я уйду в туман забвенья,
Запомнив страсти привкус пряный,
Души последние сомненья
Меняю я на миг желанный.

* * *

Узор ограды, парк, платан,
Листвы уютный тихий шёпот,
И тот же мраморный фонтан,
Воды привычный давний ропот.

Тот плеск как будто воскресил
Другого вечера прохладу,
Ты помнишь, воду я спросил,
Слагал и пел я серенаду.

Светила полная луна
И, чьё-то имя повторяя,
Дрожала нервная струна
И стоном в кронах замирала.

Вплетался в струны лунный свет.
Ты помнишь той гитары стоны?
Не помню – был воды ответ,
Не помнят и седые кроны.

Вздохнул фонтан. Где явь, где сон?
Не нужно трогать сердца раны,
Вода, с годами в унисон,
Течёт, меняясь, в океаны.

Не та струя о дно стучит,
Купаясь в чаше белоснежной,
Не той мелодией журчит,
Стараясь быть веселой, нежной.

Всё изменилось, прав фонтан,
Бреду я прочь с гитарой верной,
Забуду парк, в тиши платан,
К воде прислушаюсь, наверно.

❖❖❖

Тихо вечер опустился,
Мирной летней той среды,
Старый флюгер вдруг взбесился
От предчувствия беды.

В нервном вихре сумасшедший
Флюгер ночью заблудился,
Как крылан, с небес слетевший,
И метался он, и бился.

Ночью море заштормило,
Ветер злым стал и холодным,
Утром тусклое Светило
Встало из-за туч бесплотным.

В полдень волны откатились,
Покусав бетон прибрежный,
И тотчас преобразились,
Став аквамарином нежным.

Вмиг светило подобрело,
Нежась в синеве жеманно,
И несмело заалело
Плодом зрелым и желанным.

Но, теплом своим лаская,
Море злобу затаило,
Тайно силы собирая,
Путь к отмщенью прочертило.

Унесло тепло тревогу,
Растворились ночи страхи,
И растаял понемногу
Силуэт грядущей плахи.

Будоража, флюгер сыпал
Скрежет старых крыльев медных,
Но никто его не слышал –
Все усилья были тщетны.

Он в который раз пытался
Рассказать, как лживо море.
От бессилья вниз сорвался,
Проиграв в жестоком споре.

Лишь когда, восстав, пучина
Смыла город мой беспечный,
На песке блеснул сквозь тину
Флюгер тот, укором вечным.

И НЕМНОГО СОЛНЦА В ХОЛОДНОЙ ВОДЕ

* * * * * * * * * * * * * * * * * * * *

❖❖❖

Звонким утром осеннее Солнце
Встало, в чистых прудах отражаясь,
Щедрым золотом с летом прощаясь,
День окрасило ярким багрянцем.

В синем небе ребёнком резвилось,
Осыпая листву, как дублоны,
Смехом осени руша кордоны,
В вальсе Белом, слепящем, кружилось.

И душа, в этом сказочном танце,
То взлетала, то страстно шептала,
Листьев золото в косы вплетала,
Нежась в ярком, сверкающем глянце.

Но опомнилась к ночи природа,
Небо тучами вновь затянула,
Ветром злым с улиц золото сдула.
Здравствуй осень, твоё время года.

ДИВНЫЕ НОЧИ В АМСТЕРДАМЕ
Из песни советских времен

Через зеркальное стекло
Нагих я вижу куртизанок,
Гетерофилок, лесбиянок,
Бесплатно, вот уж повезло.

А у моста сидит толстяк
В клювастой карнавальной маске,
Ещё один в рогатой каске,
И испражняются. Пустяк.

Каналы с чёрною водой,
Домов унылых мутный абрис
Знакомый запах. Ой, каннабис!
Девица с бритой головой.

А я, как тёзка мой былой,
Сжимаю в страхе паспорт красный,
Мечтаю, юноша несчастный,
В Москву, в Москву, скорей домой!!!

Теперь, уверен, клятву дам:
Не ездить больше в Амстердам!

СТАТЬИ ЭССЕ ОЧЕРКИ

ПАМЯТИ НЕЛЛИ ТАРБА

20.11.2015
Сегодня Нелли Тарба исполнился бы 81 год

Предлагаем вашему вниманию статью Владимира Делба, посвященную Нелли Тарба.

❖❖❖

«Гонялась я за бабочкой,
а она – за мной.
Давно исчез,
как бабочка,
мой детский след шальной.

Детский след мой канул,
и вместо него
семь букв вижу –
семь капель –
и больше ничего.
Всего семь букв –
искание,
всего семь букв –
находка.
И давней этой мании
я подчиняюсь кротко.

Верна простому бремени,
как иголке нить,
хоть всё трудней со временем
искать и находить.

Этот невероятный полёт за порхающей бабочкой, длиною почти восемь десятилетий, оборвался 29 января 2014 года. Именно в этот день погасла свеча.

Ещё один Поэт ушёл в Вечность.

Семь букв – семь капель! Ещё семь, и ещё… Из капель рождается родник, вода стремится к морю, соединяясь с тысячами, мириадами капель. Кристально чистых, прозрачных. Ибо капли-буквы, сложенные в слова, в талантливые стихи, так же врачуют души людей, как и целебная вода горных родников!

Биография Нелли Золотинсковны Тарба хорошо известна в Абхазии.

Поэтесса, прозаик, драматург, общественный деятель, она родилась 20 ноября 1934 года, в селе Дурипш.

Родной край! Удивительный, величественный ландшафт, не менее удивительный, вызывающий восхищение и глубокое уважение уклад жизни в любимом селе, культура и традиции Абхазии стали тем глубинным истоком всего творчества Нелли Тарба, которому она оставалась верна всю жизнь. И на протяжении всей жизни находила она самые правильные, самые трогательные, самые искрен-

ние слова любви и уважения к своей стране, её народу, её традициям и нравственным кодексам.

«На северном краю моей деревни –
горы неприступною стеной,
и ледники поблескивают древние
зеркальною своей голубизной.
Моя деревня –
это волны чая,
зелёный и ступенчатый простор.
Здесь чайные ряды
берут начало
у самого начала
синих гор.
Плантация,
над ней бессилен ветер,
она
словно застывшая река,
и каждое здесь дерево
как веер,
густая тень – прохладней родника.
Здесь солнце пахнет чаем золотистым,
весельем,
разгоняющим печаль».

Такие строки мог написать только человек исключительно одарённый, тонко чувствующий и воспринимающий окружающий мир, беззаветно в него влюблённый. Ощущающий постоянную потребность делиться прекрасным с людьми.

А как удивительно музыкально звучат эти строки:

«Здесь руки девичьи –
как руки пианисток;
плантация –
зелёный их рояль».

Вообще, все стихи Нелли Тарба – это, безусловно, гимн жизни!

Каких бы грустных и трагических событий ни касалось её перо! Но все стихи, даже написанные, казалось бы, сквозь слёзы, звучат жизнеутверждающе!

«Но не была
уж так бедна
ей выпавшая доля!
О, не была она
одна, –
был кто-то в этом доме,
который
в брачной амхаре
на бледно-розовой заре
иль в полнолунье спелое
седую голову её,
как будто розу белую,
к груди любовно прижимал
и тихо гладил
и шептал:
Кама,
Кама, миленькая моя».

Все приведенные строки даны в переводе, очень качественном, талантливом, но всё же, переводе.

Абхазский язык очень сложен, в том числе фонетически. Но в оригинале, написанные на родном языке, стихи Нелли Тарба обладают тонким лиризмом и безупречной смысловой и музыкальной архитектоникой.

Об авторе можно говорить долго.

Но сегодня мы не ставим цели рассказать её биографию. А призываем вас закрыть глаза и вслушаться снова в чарующую музыку стихов Нелли Тарба.

«Дождь дождь, дождь – песня без слов
стучит по вершинам горным,
стучит по чёрным крышам домов,
как будто по клавишам чёрным».

20 ноября 2015

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ В ЛАТСКОЙ ТРАГЕДИИ 14-ГО ДЕКАБРЯ 1992 ГОДА

14 декабря 1992 года в районе высокогорного села Лата, ракетой, выпущенной с территории, контролируемой грузинскими гвардейцами, был уничтожен вертолёт российских ВВС, выполнявший гуманитарный рейс по эвакуации жителей блокадного Ткуарчала. Сбитая машина сгорела.

В огне погибли восемьдесят пять человек.

В числе погибших было тридцать пять детей…

БОЛЬ СТУЧИТ В НАШИ СЕРДЦА…

Автор текста Владимир Делба

Порой человек не может вынести страданий, боли физической и, что ещё страшнее, страданий душевных. И тогда мятущаяся душа просит защиты у сознания. И возникают внутри нас различные фразы, философские формулы, рождённые на свет, якобы, инстинктом самосохранения человека.

«Время лечит раны. Постепенно боль стихает. Прошлое уходит в туман, душа успокаивается…» Но верно это только отчасти, ибо есть в мире боль, которая не стихает никогда, а, наоборот, с годами становится всё более отчётливой, более сильной, а порой, невыносимой. Боль, которая постоянно, как набат колокола, стучит в наше сердце.

«Спи, моя крошка, завтра прощание.
Завтра с тобой ненадолго расстанемся,
После разлуки наступит свидание,
В мире, где нет ни войны, ни страданий.
Не отправляй меня, мама, не надо,
Кажется, будто лечу в неизвестное,
Пусть здесь война, пусть грохочут снаряды,
Главное, мама, мы будем вместе.
К сердцу тебя своему прижимаю,
Жарко целую тебя, задыхаясь,
Жарким дыханьем тебя согреваю,
Каюсь во сне и в молитвах я каюсь...
Ты уж у входа с растерянным взором.
Что с тобой, милая, будто застыла?
Смотришь ты с трапа в глаза мне с укором.
...К сердцу тебя своему прижимаю,
Жарко целую тебя, задыхаясь,
Душу свою из себя вынимаю,
Каюсь во сне и в молитвах я каюсь.
...Взвыли моторы. Курсы указаны.
Лопастей бешеное вращенье,
Что на душе у тебя недосказано,
Ты улетаешь без возвращенья»...

Прошу ВСЕХ, молю ВСЕХ!!! В этот день, день Скорби, молча, встанем ВСЕ, склоним головы и, в полной тишине, прислушаемся к биению сердец. И услышим, и почувствуем ту самую боль, что стучится, как колокол, в наши сердца.

«Хрупкий цветочек, войною раздавленный.
К сердцу тебя своему прижимаю,
Ты ведь от Бога мне подаяние,
Я и не мёртвая, и не живая,
Я – неземное души покаяние».

Пронзительные эти строчки стихов взяты из «Меркульской тетради», написанной поэтом, добровольцем, Робертом Гапаровым.

14 декабря 2015

ПАМЯТИ КАНДИДА ТАРБА

На всю жизнь врезалась в память магическая, увиденная когда-то, картина!

Неожиданно и бесшумно устремился вверх массивный занавес, и моментально стал стихать беспорядочный гул заполненного зрительного зала. Когда же взорам зрителей открылась сцена, в зале воцарилась полная тишина.

На фоне кроваво-красного задника, освещённые ярким светом точечных софитов, на сцене будто застыли, в торжественных, грациозных, монументальных позах, три фигуры, – две мужские и одна девичья.

Сравнение со скульптурой приходило на ум неосознанно.

Чётко и рельефно читались на тёмно-красном фоне белая и чёрная черкески юношей под накинутыми на плечи, в контраст черкескам, белой и чёрной бурками. И тонкий девичий стан, в светлом платье, по центру композиции.

Но не успели зрители отойти от первоначального шока, как зазвучала танцевальная мелодия и безумный ритм, как ураганный ветер, увлёк за собой фигуры на сцене, полностью подчинив их пластике и эмоциям танца. И засверкали кинжалы в руках танцоров, посыпались гроздья ярких искр, высекаемых ударами стали об сталь.

И ахнул зал. И ясно было, что в смертельной схватке этой победитель будет только один. Но... взмах девичьей руки, и на сцену, прямо между соперниками, упадает белый платок! И, о чудо, прерывается сумасшедший ритм танца, останавливаются танцоры-юноши, вкладывают кинжалы в ножны и расходятся, гордо ступая пружинистыми шагами по сцене. Пауза... И зал взрывается аплодисментами!

Танец назывался «Поединок». Поставил, вернее, создал его, организатор и бессменный руководитель абхазского танцевального ансамбля «Кавказ» – Кандид Тарасович Тарба, также поставивший большое количество абхазских танцев и танцев народов Кавказа. Специалисты в один голос утверждают, что все поставленные Кандидом Тарба танцы являются шедеврами, безупречными во всех профессиональных нюансах. И как отмечают коллеги, каждый такой нюанс Кандид Тарасович пропускал через своё сердце, через нервы, через богатый свой опыт, добиваясь полного совершенства.

Ансамбль «Кавказ» много ездил по миру, знакомя зрителей разных стран с танцевальной культурой Абхазии. И практически везде артисты собирали полные залы благодарных зрителей.

Трудно переоценить вклад Кандида Тарба в культуру Абхазии. Как гражданин, интеллектуал, профессионал, как истинный патриот он всю свою сознательную жизнь неустанно и беззаветно служил своей Родине, отдавая ей и своему любимому делу всего себя, без остатка!

Кандид Тарба ушёл из жизни Первого мая, не дожив нескольких дней до дня своего рождения. Ему исполнилось бы семьдесят два года. Всего! До обидного мало, особенно по абхазским меркам.

Но и того, что он сделал, достаточно, чтобы имя его было вписано золотыми буквами в славную, сложную и многострадальную историю народа!

Светлой памяти Кандида Тарасовича Тарба!

29 июля 2016

КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ ТАРАСА МИРОНОВИЧА ШАМБА

Несколько малоизвестных, торжественных и весёлых страниц из жизни моего старшего друга, Тараса Шамба

– Послушай, Володя, ты не забыл, что надо поздравить Тараса Мироновича с Юбилеем?

Вопрос позвонившего друга, нашего земляка, откровенно говоря, немного смутил меня.

– Я хорошо помню, когда у Тараса Мироновича День рождения – 29 июля. Но причём здесь юбилей? Мы, насколько я помню, поздравляли его с юбилеем всего-то пару-тройку лет тому назад!

– Рад, что у тебя всё в порядке с памятью! – Мой ответ явно развеселил человека на том конце телефонного провода. – Но, видимо, есть проблемы с арифметикой?

Тут я смутился вконец. Попробовал отшутиться, вспомнив старый анекдот, в котором говорящий с акцентом покупатель газированной воды вынужден был выслушивать менторский тон продавщицы, пытавшейся постоянно его поправлять.

В конце концов, он не выдержал и в сердцах произнёс: – Ви здесь што прадаиоте, вади или грамматика?

Вот и я пообещал приятелю с грамма..., то есть с арифметикой, разобраться.

И разобрался! Посетовал, самому себе, что время быстротечно, что не всегда мы отслеживаем важные для нас даты, что действительно прошло уже ЦЕЛЫХ пять лет с момента прошлого юбилея нашего старшего друга.

Но при этом, констатировал важную для себя, но простую истину. Почему не заметил прошедших пяти лет? Да потому что они, эти пять лет, совершенно не изменили Юбиляра.

Даже возвращая себя на десятилетие назад, вижу все того же Тараса Мироновича, что и сегодня!

Подтянутого, спортивного, без грамма предательского жира, наступающего часто на зрелых людей.

Такого же энергичного и непоседливого, как и много лет назад.

Такого же доброго и внимательного к окружающим. Такого же увлечённого и неутомимого в разносторонней своей общественной, научной и преподавательской деятельности.

Иногда даже захватывает дух от мысли, откуда черпает силы и время этот подвижный, обаятельный, общительный человек с умными, добрыми, с небольшой хитринкой, глазами.

Позволяя себе рассуждать в шутливом тоне, подумал – мы же абхазы, а что для абхаза какие-то семьдесят пять лет!

Согласно преданиям, в старину, право жениться и завести семью, обретали не юноши, но зрелые мужчины, имеющие жизненный опыт и доказавшие, что могут уже испрашивать у старших разрешение засылать сватов.

Если же говорить серьёзно, об учёном, академике, Президенте Всемирного конгресса абхазо-абазинского (абаза) народа, видном общественном деятеле, Тарасе Мироновиче Шамба написано и сказано очень многое.

И рассказывать о его трудах, достижениях, почётных титулах и званиях, государственных и общественных наградах можно очень долго. Мне же хочется, погрузившись в прошлое, в моё детство, в сказочную тёплую страну седых гор, экзотических растений и ласкового моря, извлечь из него, прошлого, воспоминания, связанные с Тарасом Шамба.

Фамилию – Шамба я запомнил, будучи совсем ребёнком. Мой отец, Михаил Делба, из уст которого я её услышал впервые, был человеком замкнутым, немногословным и крайне скупым на похвалы.

Тем ценнее были для нас, членов семьи, его отзывы о тех или иных наших земляках, которые он изредка озвучивал маме. В числе тех, о ком он отзывался восхищённо, были, в частности, Андрей Чочуа, Дмитрий Гулиа, Георгий Дзидзария, Баграт Шинкуба, Зураб Анчабадзе, Мирон Шамба.

Если учесть, что важнейшими качествами человека отец считал принципиальность, порядочность, образованность и профессионализм, то ясно: те, к кому отец относился с глубоким уважением, полностью отвечали этим критериям.

В 1952 году меня отдали в первый класс средней русской школы №2. Этот рядовой, казалось бы, факт нуждается в пояснении.

Дело в том, что в конце сороковых годов очередной виток бериевского давления на Абхазию привёл, в том числе, к закрытию абхазских школ. Существовала негласная инструкция: детей из абхазских семей брать только в грузинские школы.

Мне повезло. Моя мама, врач, лечила супругу начальника отдела народного образования города. Мне сделали исключение.

Абхазские школы стали открываться в Республике только после смерти Сталина.

И сразу же, в 1954 году, меня и моего старшего брата, который тоже учился во второй школе, перевели в абхазскую школу №3.

По иронии судьбы, школа располагалась в том же здании, где когда-то обучали грамоте самого Лаврентия Берия. Надо полагать, что он перевернулся в гробу, узнав об этом.

В школе, если так можно выразиться, собралась элита абхазского населения города. Дети всех без исключения абхазских интеллигентов, чудом уцелевших во времена страшных репрессий конца тридцатых и сороковых, учились в школе №3.

Вместе со мной учились: Даур Сарсания, Заур Делба, Астамур Дзидзария, Валерий Касланзия, Омар Делба и другие мальчики и девочки из абхазских семей. Мой старший брат Хозе учился в десятом классе. Вот фамилии его одноклассников, какие остались в памяти: Зураб Хишба, Маврик Абгадж, Ляля Шамба.

Тарас Шамба был на год младше моего брата, следовательно, и учился он на класс ниже. Несмотря на разницу в возрасте, и на ту реальную

дистанцию, которая естественно предполагается в детском и юношеском возрасте, лично у меня были прекрасные отношения с Тарасом и его сверстниками.

Им импонировали моя начитанность, сообразительность и хорошее воспитание.

А мне – их корпоративный интеллект, интерес к знаниям, доброжелательность и общительность. Это было сообщество людей некоей новой формации, освобождённой от страхов и ограничений сталинских времён и устремлённых, да простится мне мой пафос, в будущее.

Так называемая хрущёвская оттепель для Абхазии имела особое значение. Она не только породила, как и по всей огромной стране, поколение «физиков-лириков», то есть молодых современных, образованных людей, не лишённых свободомыслия, но настроенных патриотически. Она, что очень важно, освободила их от необходимости бороться за физическое выживание народа и, одновременно, обязала поднимать уровень образованности. Для дальнейшего развития, для движения вперёд.

В моей памяти Тарас и его сверстники, учившиеся в одной школе со мной, и сохранились, как группа друзей, единомышленников. Все были яркими самодостаточными личностями, с мощной, как сказали бы сейчас, харизмой. Такие люди обычно не нуждаются в явном лидере, но, так или иначе, центром притяжения был Тарас Шамба.

А в числе его друзей были, если память не изменяет мне, – Валерий и Валентин Хинтба, Мери

Инапха, Алик Сангулия. Конечно, сегодня мне трудно вспомнить всех, но эти ребята были неким ядром, мотором движения в нашей школе №3.

Мой старший брат много читал и постоянно приносил домой интересные книги. Но часть новых для себя авторов я открыл благодаря именно Тарасу и его окружению.

Точно помню, что мне давали почитать О' Генри, Ремарка, Есенина, Ильфа и Петрова.

Многие тексты были для меня сложны и не совсем понятны, почти все книги я перечитывал, став взрослее, но то, что именно через них я вошёл в огромный, безбрежный, увлекательный мир большой литературы – бесспорно.

Общение с Тарасом и его друзьями, что крайне важно, возбуждали у нас, младших, интерес к собственной истории и культуре. Лично я именно тогда узнал о негласном кодексе поведения абхазов – «Апсуара». Помню, меня поразило, с каким трепетом и уважением относились наши предки к таким понятиям, как честь, достоинство, справедливость.

Сея «доброе и вечное», эти ребята сами тянулись к знаниям и впитывали, как губка, любую новую, интересную, важную познавательную информацию. И для них не существовал вопрос, а что ждёт дальше, после школы. ВУЗ и желательно, серьёзный.

Забегая вперед, могу сказать, что все ребята из окружения Тараса закончили ВУЗы, получили достойное образование, и каждый внёс весомый вклад в развитие Республики. Все они стали известными и уважаемыми людьми.

К моему удовольствию, могу добавить, что эта ситуация затронула не одно поколение учащихся школы №3, в том числе и моё.

Через год распахнула свои двери абхазская школа № 10. Располагалась она в центре города, в большом, только что отремонтированном здании. Было принято решение перевести абхазский сектор из школы №3 в новую школу №10. Я же остался в своей школе, в русском секторе.

Не было уже возможности общаться со старшими друзьями и своими сверстниками ежедневно, но общение во внеурочное время в маленьком городе – совсем не проблема.

Летом меня отправили на отдых в пионерский лагерь, в высокогорное село Цабал. И какова же была моя радость, когда я, неожиданно увидел в лагере Тараса, Мери, Алика и Валерия. Мои старшие друзья предстали сейчас в качестве пионервожатых.

Можно долго вспоминать интереснейшие спортивные соревнования, различные песенно-танцевальные, театральные конкурсы, придумываемые нашими пионервожатыми. В том числе такие экзотические, как конкурс художественных изделий в технике резьбы по камню. Дело в том, что в округе было полно природного сланца. Этот матовый белый камень служил прекрасным материалом для творчества, ибо легко поддавался обычному перочинному ножу. Все дети увлеклись резьбой, в результате членам «жюри» пришлось выбирать из огромного количества интереснейших работ.

Помню и забавный случай. За физкультуру в лагере отвечал один из местных жителей, учитель сельской школы. Был он, в принципе, неплохим человеком, но считал, что всех мальчиков надо воспитывать исключительно в спартанском духе. Для себя же избрал специфический, если не сказать садистский, метод этого самого воспитания.

Он обучал нас, в частности, фехтованию на эспандерах. Это была какая-то разновидность спортивной шпаги, с длинным и очень гибким стальным клинком. Конечно, поскольку оружие было спортивным, кончик лезвия венчала круглая шишечка. Поранить таким клинком было невозможно, а вот...

Но, по порядку. Лето. Хоть мы и в горах, но всё равно жарко. Мальчики одеты в шорты или в спортивные трусы и в майки.

Тренировка. Приёмам фехтования обучает сам наставник. И если что-либо у ученика не получается, а не получается постоянно, ибо среди детей нет спортсменов-фехтовальщиков, «гуру», в качестве наказания, наносит эспандером удар.

Как это выглядит? Очень просто. Бьёт спереди, через плечо, по спине. Тонкий упругий клинок практически не задевает плеча, а поскольку он очень гибок, удар приходится как раз на спину, чего наставник и добивается.

Резкая, жалящая боль и чувство, что к спине приложили раскалённый шампур.

В первую же ночь у нескольких мальчиков поднялась температура, остальные, успевшие пройти своеобразный «курс молодого спартанца», стонали от боли и не спали всю ночь.

Ночью пришла Мери. Увидев, что происходит, подняла с постелей и привела медсестру и остальных пионервожатых. Медсестра растерялась и пробовала уменьшить, хоть как-то, страдания «спартанцев», Тарас с ребятами старались ей помогать.

Потом пионервожатые куда-то исчезли. Их не было несколько часов.

Наутро выяснилось, что физрук, живший в селе, на работу не выйдет, ибо внезапно заболел. Появился он дня через три-четыре, с огромным, желтеющим уже фингалом под глазом, как говорится, совсем другим человеком. Добрым, внимательным, ласковым. И оказалось, что лучше всего поддерживает физическую форму и прекрасно воспитывает волю привычный для мальчишек спорт. Благословенный футбол, конечно.

Вот так наши старшие друзья воспитали, в духе пионерско-комсомольской идеологии, помимо малолетних обитателей лагеря, ещё и вполне взрослого человека.

– Ну и как же, Володя, – опять зазвонил телефон – поздравим Тараса Мироновича с Юбилеем? – Спросила трубка голосом моего земляка.

– Конечно! – С радостью ответил я. – Вот сижу как раз и готовлю поздравительный текст! Зачитать?

27 июля 2013

ПАМЯТИ ГИВИ СМЫР

С уходом таких Личностей, как Гиви Смыр, мы, республика, народ, теряем то, что восполнить невозможно.

Ушёл из жизни Гиви Смыр.

Художник, скульптор, историк, краевед, философ...

Человек небольшого роста, с постоянно взъерошенными волосами, энергичный, подвижный, но одновременно рассудительный, с немного грустными и добрыми глазами.

Талантливый, гостеприимный, романтичный. Природная доброта, однако, не мешала ему быть жёстким и бескомпромиссным в вопросах, которые он считал принципиальными и важными. Не для себя. Для дела, которому служил всю свою жизнь!

Гиви был патриотом, в самом высоком смысле этого слова. Влюблённый в Абхазию, в свой родной Новый Афон, увлечённый историей страны, он много сделал для её культуры, для возрождения вековых традиций народа, моральных норм и правил.

В 1992-м, в год, когда пришла беда, для Гиви вопросов не было. Он, как и многие его друзья, ушёл воевать. И здесь пригодились его знания, рассудительность, принципиальность, умение принимать правильные решения. Авторитет Гиви Смыр был непререкаем. Его назначили, а по сути, избрали командиром Афонского батальона.

Как и до войны, так и после, продолжал неутомимый этот человек создавать удивительные скульптуры, мозаичные панно, живописные полотна. Не перестают удивлять и восхищать талантливые, загадочные его творения. В живописи Гиви, в изображённых образах зашифрованы сложная, славная, порой трагическая история Абхазии, ее мифология и народный эпос. Полотна эти фантастичны, пронизаны поэзией и музыкой. Они насыщены мощной энергетикой автора, заставляющей зрителей радоваться или испытывать чувство волнения и тревоги.

Уверен, что творчество Гиви Смыр ещё только ждёт серьёзных, вдумчивых исследователей.

Последние годы Гиви возглавлял «комплекс Новоафонских пещер». Пещеры, известные сегодня учёным всего мира и миллионам туристов, когда-то были открыты именно им – Гиви Смыр. Он не любил, когда об этом заводили разговор, пытался отшучиваться. Но это – факт!

Неправда, что незаменимых людей нет. С уходом таких Личностей, как Гиви Смыр, мы, республика, народ, теряем то, что восполнить, как правило, невозможно.

И навсегда в памяти останется человек с немного грустными, добрыми глазами.

Талантливый, гостеприимный романтичный. Обладавший уникальной энергией творца, философа, воина. Человека, влюблённого в жизнь!

19 ноября 2016

АБХАЗИЯ ОТМЕЧАЕТ ЮБИЛЕЙ БАГРАТА ШИНКУБА

Абхазия готовится торжественно отметить 100-летний юбилей великого нашего соотечественника – Баграта Васильевича Шинкуба!

Имя его, Гражданина с большой буквы, народного поэта Абхазии всегда ассоциируется с такими качествами, как талант, образованность, патриотизм, просветительство, стойкость и принципиальность, самоотверженная и разносторонняя деятельность во благо родной страны, её многострадального народа!

Талантливые литературные произведения, вышедшие из-под пера Баграта Шинкуба, такие, как роман «Последний из ушедших», роман в стихах – «Песнь о скале», снискали автору мировую славу, переводились на многие языки народов мира. Через уникальные эти, эпические, по сути, сочинения люди в разных частях планеты открывали для себя незнакомую ранее прекрасную страну, Абхазию, узнавали о маленьком гордом народе со сложной, трагической историей, сумевшим сохранить, несмотря ни на что, язык, культуру, традиции и обычаи предков.

И поистине неоценима общественная деятельность Баграта Шинкуба, как просветителя и политика, сопряжённая порой, в сталинские времена, с прямым риском для жизни и свободы. Деятельность, снискавшая благодарность, глубокое уважение и любовь всей Абхазии!

О Баграте Васильевиче Шинкуба сказано и написано немало. Но учёные, писатели и журналисты продолжают прослеживать жизненный путь удивительного этого Человека, открывая всё новые и новые грани его судьбы, творчества, государственной и общественной деятельности.

Я же хочу рассказать трогательный случай из моей молодости, связанный с Багратом Васильевичем.

Это было в конце шестидесятых. Я оканчивал институт в Москве, готовился к диплому. К тому времени я был женат, у нас рос сын, жили мы в коммунальной квартире недалеко от театра Советской Армии. И хотя нам помогали родители, денег катастрофически не хватало. Это при том, что я пытался, как художник-график, подрабатывать.

Однажды обнаруживаю в почтовом ящике извещение о денежном переводе на 50 рублей. (В те годы это была ощутимая для моего семейного бюджета сумма). Извещение обезличенное, то есть без указания имени отправителя. Это было неожиданно, ибо от родителей денег я не ждал. Взял паспорт и пошёл на почту. Там обнаружился ещё один перевод, тоже на 50 рублей, поступивший позже. И только заполняя квитанции, я увидел, что обе суммы были переведены мне Президиумом Верховного Совета Абхазской АССР. Председателем Президиума в те годы был именно Баграт Васильевич Шинкуба.

Звонок домой и разговор с отцом ничего не прояснил. Отец продиктовал мне номер домашнего телефона Баграта Васильевича, и посоветовал са-

мому, напрямую, позвонить и поблагодарить! Что я и сделал.

Баграт Васильевич принял мои эмоциональные излияния сдержанно, и пожелал мне успешной защиты диплома. Уже окончив ВУЗ, получив диплом, я приехал в Сухум. Поскольку история с денежными переводами не давала мне покоя, я решился навестить Баграта Васильевича и лично выразить свою благодарность.

Позвонил, представился и получил приглашение зайти. Мы сидели в рабочем кабинете хозяина дома. Он был один, и испытывал, я думаю, некую неловкость, что не может сам организовать достойную встречу гостя, предлагая мне то чай, то фрукты, то конфеты. Я, в свою очередь, тоже испытывал неловкость, ибо терялся в присутствии легендарного этого человека. Но скоро я обо всём забыл, и только слушал, затаив дыхание, что говорил мне Баграт Васильевич. А говорил он о многом: об абхазской истории, литературе, искусстве, науке. О том, что уже делается, и о том, как много предстоит ещё.

Его, кстати, интересовали мои планы на жизнь. Конечно, рассуждал он, хорошо, что наши земляки набираются опыта в больших городах, где возможностей больше. Но, в конце концов, желательно их возвращение на родину, ибо здесь этот опыт очень востребован и должен быть использован во благо республики.

И когда я, в очередной раз поблагодарил за внимание и помощь, он сказал просто: «К сожалению, Президиум ограничен в возможностях, имея в виду финансы. А так, это совершенно обычное, нор-

мальное явление – поддерживать наших студентов и аспирантов. Кстати, то же самое делал и Ваш отец, Михаил Константинович, занимая высокие посты. Это самое малое, что я мог сделать! Рад, что оказался полезен Вам!»

Прошло почти пятьдесят лет с той поры, с того памятного для меня визита и беседы с Багратом Васильевичем, но я до сих пор помню многие детали нашей встречи, и как будто слышу, стоит только прикрыть глаза, ровный, спокойный его голос.

09 мая 2017

АБХАЗЫ В МОСКВЕ

Некоторые страницы истории московской абхазской диаспоры.

Мы не располагаем данными о жителях Абхазии в Москве с начала XX века, вплоть до Октябрьской Революции 1917-го года.

Источники называют лишь имя Ефрема Эшба, студента Московского университета, поступившего на юридический факультет в 1913-м году.

В двадцатые годы, то есть уже при Советской власти, Республика направляет молодых людей на учебу в столицу СССР. В числе первых, как известно, были Иуа Когония и Михаил Делба.

К середине тридцатых в московских профильных высших и среднеобразовательных заведениях обучались свыше ста человек, выходцев из Абхазии. Московские ВУЗы окончили, в частности, и такие известные в будущем учёные и общественные деятели, как Георгий Дзидзария, Аслан Отырба, Шалва Инал-ипа, Давид Кураскуа.

Безусловно, абхазы, обучавшиеся и жившие в Москве, общались между собой, но неизвестно, существовало ли некое организованное сообщество по типу землячества. Скорее всего – нет.

Руководство республики уделяло большое внимание подготовке профессиональных, образованных кадров. Находясь в Москве, руководитель Республики, Нестор Лакоба находил возможность

встречаться со студентами из Абхазии, оказывал им посильную финансовую помощь. К сожалению, многие, получившие специальность, вернувшиеся в Республику, и принявшие активное участие в её развитии, попали под «каток» массовых репрессий сталинского периода.

Кому-то посчастливилось возвратиться в Москву, и спастись, затерявшись в большом городе. К примеру – Нелли Агрба, была замужем за министром просвещения Абхазии. После его ареста в 1937-м году бежала, сменила фамилию, скрывалась, работая водителем такси. Фериде Ацамба, родом из Аджарии, дочка известного большевика, окончила аспирантуру МГУ, преподавала в институте стран Азии и Африки. Из проживавших в Москве в предвоенные годы известны имена Самсона Чедия и Григория Званбая.

И только с середины пятидесятых стало резко увеличиваться количество студентов из Абхазии. Среди имен многих молодых людей, приехавших в Москву на учебу, есть имена Вахтанга Аршба, Светланы Шамба, Руфета Бутба, Анри Джергения, Фатимы Ашхаруа, Михаила Лабахуа, Мэри Инапха, Алексея Гогуа, Мушни Ласуриа, Джумы Ахуба, Татьяны Хагба, Владимира Анкваб, Зинаиды Гицба и многих, многих других.

В 1958 году, по инициативе Тараса Мироновича Шамба, было создано на общественных началах студенческое землячество. Будущий академик, Президент всемирного конгресса абхазо-абазинского (абаза) народа, Тарас Шамба в течение многих лет был его главой.

Именно тогда зародилась традиция встречаться ежегодно 4-го марта, в день советизации Абхазии, чтобы обменяться мнениями, отчитаться перед друзьями-земляками об успехах в учёбе, вместе отметить Праздник.

Землячество организовывало встречи со студентами московских ВУЗов, выставки, концерты, спортивные мероприятия, студенческие конференции, рассказывая об Абхазии, её культуре, традициях, удивительной природе. Студенты посещали московские музеи, театры, исторические места, такие, как Бородино, Горки Ленинские.

По просьбе Землячества, председатель колхоза «Дурипш» Владимир Лакоя приобрёл большое количество книг абхазских авторов, которые были подарены московской библиотеке имени Некрасова, где был создан обширный отдел книг об Абхазии, и многие члены землячества имели читательские билеты «Некрасовки».

Надо отметить, что руководители Республики на протяжении десятилетий живо интересовались делами сообщества, а находясь в Москве, с удовольствием посещали мероприятия Землячества, оказывали различную помощь. Это – Первые секретари Абхазского обкома КПСС – Михаил Бгажба, Валериан Кобахия, Председатель Верховного Совета – Баграт Шинкуба, министры, общественные деятели.

Со временем мартовские встречи стали посещать не только студенты, но и живущие в Москве выходцы из Автономной Республики. Тогда, можно сказать, и зародилось сообщество, называемое сегодня Московской Абхазской Диаспорой. В дальнейшем сообщество возглавляли – Онери Бебиа и Отар Ласариа.

14-го августа 1992 года войска Госсовета Грузии, имея в своём составе бронетехнику, артиллерию и боевую авиацию, вошли на территорию автономной республики! Началась война, названная позже – Отечественной Войной народа Абхазии.

Действительность внесла коррективы в жизнь абхазской диаспоры. В первые же дни войны центром притяжения для выходцев из Абхазии стало Представительство Республики, возглавляемое Игорем Ахба, и созданный при нём пресс-центр. Пресс-центром руководила энергичная, неутомимая Татьяна Гулиа, дочь абхазского писателя с мировым именем – Георгия Гулиа. Спустя годы приходит осознание, какой тяжёлый груз лёг тогда на плечи немногочисленных сотрудников представительства и их добровольных помощников. По инициативе группы земляков было создано общество «Аламыс», во главе которого встал Леонид Купалба. На «Аламыс» легли нелёгкие обязанности по приёму беженцев из Абхазии: их регистрация, легализация в РФ, размещение, выделение материальной, продовольственной, медикаментозной (?медицинской) помощи. Была организована «цепочка» по встрече раненых бойцов: их распределение в московские госпитали, помощь в лечении и адаптации. Члены «Аламыс» организовывали сбор средств, осуществляли гуманитарную помощь продуктами, лекарствами, медицинским оборудованием непосредственно Абхазии.

Активно действовало и созданное ещё до войны Московское общество абхазской культуры (МОАК) «Нартаа». Председателем которого был Игорь Ахба, а заместителем председателя – Юрий Анчабадзе.

Члены обществ при поддержке всей диаспоры активно занимались информационным сопровождением событий, распространяя объективную информацию об Абхазии в российских и иностранных СМИ, в дипломатических кругах и различных ведомствах в РФ и за рубежом.

Активная работа по разным направлениям продолжилась и в послевоенные годы.

В ноябре 2011 г. общественная организация «Московская Абхазская Диаспора» была зарегистрирована в Министерстве юстиции РФ и получила юридический статус. Деятельность Диаспоры была выведена на новый качественный уровень, чему способствовал и приход в руководство молодых, образованных, энергичных людей. Председателем Правления был избран Беслан Агрба.

Действуя согласно уставу, организация служит целям укрепления единства абхазского народа, проживающего за пределами Республики, сохранения национальной самобытности, традиций и обычаев абхазского народа; развития и популяризации традиционных видов искусства. Защитой прав и законных интересов абхазов, проживающих в РФ; расширением международных связей и контактов, укреплением мира и дружбы между народами. Диаспора оказывает всестороннюю поддержку и помощь членам диаспоры, в том числе семьям по-

гибших воинов, участвует в осуществлении большого количества благотворительных, просветительских, информационных и культурных проектов.

Невозможно перечислить всех, кто отдаёт свой опыт, умение и душу общему делу. Но хорошо известны, и пользуются уважением имена Юрия Анчабадзе, Ирины Басариа-Анкваб, Руслана и Эсмы Хагба, Дмитрия Хашба, Лаши Марыхуба, Отара Ласариа, Беслана Кобахия, Вячеслава Кетия, Инны Барчан, Ахры Цвейба, Нары Папба, Виталия Лабахуа, Дениса Чачхалиа, Виктории Какалиа, Павла Чакветадзе.

Считается, что на сегодняшний день в Москве и Подмосковье проживает, постоянно и временно, свыше полутора тысяч абхазов, многие из которых активно поддерживают деятельность Диаспоры.

Владимир Делба

Изложенный материал базируется на личных воспоминаниях автора, и не является исторической справкой. Автор признателен за помощь в написании статьи представителям абхазской диаспоры Москвы – Тарасу Шамба, Георгию Колбая, Павлу Чакветадзе, Беслану Кобахиа.

2018

ОТЗЫВ О КНИГЕ ВАЛЕРИЯ ДЗЫБА «ПСХУ-КУВА»

«Печальный путь достался нашим предкам.
Род абазин из года в год редел»

Лариса Шебзухова Бала –
Народный Поэт КЧР

Держу в руках только что прочитанную рукопись Валерия Дзыбы – «ПСХУ-КУВА». Рукопись, вызвавшую у меня огромный интерес и бурю эмоций.

Я не специалист в вопросах истории, но в «архиве» памяти моей, в его запасниках, собрано приличное количество прочитанных книг по истории Кавказа, особенно – по истории моей Родины, Абхазии. Разных книг – объёмистых, порой многотомных фолиантов, и небольших, скромных с виду, брошюр. Написанных разными авторами: известными, маститыми историками, молодыми учёными, краеведами, писателями-беллетристами. И многие материалы посвящены трагическим событиям XIX века, временам Кавказской войны, то есть тем глобальным потрясениям, имевшим катастрофические последствия для большинства народов Кавказа, перекроивших и изменивших их историю, судьбу, да, по сути, и саму карту Кавказа.

В работе В. Дзыбы тоже затронута тема Кавказской войны, но война, а вернее, временной коридор, в рамках которого происходят описывае-

мые события, является реальным и достоверным историческим фоном для локальных, казалось бы, фактов, излагаемых автором.

Мне неизвестно, какую точно задачу ставил Валерий Дзыба, приступая к рукописи, и как он позиционирует себя: – как учёного-исследователя, краеведа или летописца своего рода. Да это и не так уже важно, а важно то, с каким трепетным вниманием, уважением к истории, тактом, автор исследует трагическую судьбу своих предков, абазин рода Дзыба (Дзиба), проживавших, совместно с другими абазинскими родами, в высокогорном урочище Псху, на территории современной Абхазии. И делает это профессионально.

Меня поражает, как умело автор, переработав огромное количество архивных материалов, «переварив» столько информации, выстроил сложную, по сути, но чёткую и понятную, по форме, линию изложения фактологического материала. Даже в тех, случаях, когда автору необходимо прибегать к историческим отступлениям, к своеобразным ремаркам, это не нарушает ни целостности повествования, ни общей хронологии.

И что, на мой взгляд, крайне важно для нас, читателей – это гражданская позиция автора, чётко изложенная в вводной части, и, собственно, прошедшая через всю ткань повествования. Особенно сейчас, когда некоторые «умники» склонны окрашивать Историю только в один цвет, без полутонов. Особенно историю многострадального Кавказа. Эти «художества» не приносят ничего доброго и позитивного.

И в этом смысле мне очень импонирует творческий метод автора: он оперирует только фактами, оставляя для своих тактичных комментариев (их и комментариями-то назвать трудно, скорее – пояснениями) минимум места.

Автору важно было проследить историю своих предков, восстановить, по возможности, утерянные имена и факты, саму историческую правду, и выразить, таким образом, глубочайшее уважение к своим истокам, народу, его истории! И с этой задачей, по моему мнению, Валерий Дзыба справился блестяще.

Я очень рад, что читателей разного возраста ждёт встреча с умной, своевременной и очень ценной для понимания истории, книгой!

Владимир Делба
Секретарь Ассоциации писателей Абхазии
Член Союза литераторов России
Сопредседатель литературного Совета
Ассамблеи народов Евразии, 2018

ОТЗЫВ О КНИГЕ НАРОДНОГО ПОЭТА АБХАЗИИ МУШНИ ЛАСУРИА – «ОТЧИЗНА»

«Тот день навек зажал меня в тиски.
Четырнадцатое. Ессентуки...
Шёл август. Облака по небу шли.
Я был оторван от родной земли.

Устал с дороги... Воротившись в дом,
Средь бела дня забылся кратким сном...
Вдруг – резкий стук, и в дверь вошла жена:
«На нас напали! Там у нас – война!..»
Сорвался голос у неё на миг.
Она застыла,
Сдерживая крик...»

Строки эти поражают своей силой, болью и трагизмом! И, главное – правдой!

Принадлежат они Народному Поэту Абхазии, Председателю ассоциации писателей Республики Абхазия, Мушни Таевичу Ласуриа.

Сегодня мне хотелось бы поделиться эмоциями от перечитанного, в очередной раз, романа в стихах «Отчизна», вышедшего в московском издательстве «Звонница»!

И именно эти строки я позволил себе использовать в качестве своеобразного пролога.

14 августа 1992 года! Дата эта трагически ворвалась в историю Абхазии, пропитав её кровью, страданиями и дымом пожарищ! Именно в этот

день, следуя преступному приказу Президента Грузии, Эдуарда Шеварднадзе, в Абхазию вторглись бронированные колонны грузинской гвардии. Началась война! Война эта доставила неисчислимые страдания жителям Абхазии, унесла тысячи жизней, причинив катастрофический урон республике, её экономике, культуре, генофонду!

«Бессмысленной» – назвал однажды войну сам Шеварднадзе. По меньшей мере странно звучало это слово в устах человека, развязавшего кровавую бойню.

О грузино-абхазской войне 1992-1993 годов, которую в Абхазии справедливо называют – «Отечественной», написано и рассказано многое.

Её смертельное дыхание так или иначе коснулось всех жителей, все семьи! Для каждого жителя Абхазии война стала личной трагедией, и, одновременно, мерилом мужества и отваги!

Собственно, роман в стихах «Отчизна», и является книгой о войне! Но написанная Большим Писателем, Мастером, пропустившим через своё сердце всё, что связанно с войной: трагизм, боль за Родину, переживания за своих близких, героизм воинов, веру в Победу, она превратилась в мощное эпическое полотно, в котором тема войны естественным образом проросла в ткань истории страны, сложную, драматическую, славную!

Это удивительная книга, где автор скрупулёзно, как летописец излагает факты, коим он лично был свидетель, но где каждая строфа мощно воздействует на читателя, вызывая бурю эмоций.

Поэт отдаёт дань мужеству земляков, когда рядом с абхазами, на защиту Родины, встали и русские, и армяне, и греки, и даже часть грузин. С глубоким уважением повествует о добровольцах, братьях с Северного Кавказа, Кубани, Ростова, из дальнего зарубежья, пришедших на помощь!

«В защиту Абхазии
Встали друзья.
Их боль и страданье
Не видеть нельзя

Суровы их взоры,
И яростен гнев,
И горе – как горы...
Ничуть не сробев,

Здесь люди решились
Идти до конца.»

Автор эмоционально описывает, как народ сплотился вокруг лидера, Владислава Ардзинба!

«Всё пред собой сметающая лава
В Абхазию торит кровавый путь.
Пылают смертоносные потоки,
Растеряны герои и пророки,
Но тут один встаёт – и не согнуть!
Он твёрже стали. Имя Владислава
Будь в помощь нам – в тебе и власть и слава!»

Через текст книги, через поэтические образы, а в реальности – на самом деле, проходит Писатель,

вместе со своей страной, со своим народом, круги ада, отпущенные на его долю судьбой. Ему повезло, он дошел до победных сентябрьских дней!

«Во всех статьях – Абхазия, Апсны...
Вы победили, родины сыны!
Во всех газетах ты, победный жар –
В них Сосналиев, Ардзинба и Дбар!»

Но слёзы радости смешиваются со слезами горя, и застилают глаза. Склоняя голову перед памятью павших, Автор скорбит, но понимает, что жертвы не были напрасны!

«Победный марш и траур – вы одно.
Абхазия теперь свободна, но
Какой ценой победа нам дана?

В руинах, под обломками страна,
И слёзы льются из ослепших глаз.
Но всё же – что же главное сейчас?»

«Колени перед вами преклоня,
Я славлю вас, бессчётная родня!
Вы, павшие, – как знамя новых дней
Абхазии, Вы неразлучны с ней!

Но смерти нет, её попрали вы,
И Млечный путь горит из синевы!»

Поразительно, но трагизм ситуации, ужасы, по сути братоубийственной войны, лишения и жес-

токость, не обозлили автора, не вызвали ненависти к народу, в большинстве своём молчаливо поддержавшего действия правительства Грузии.

Он мучительно пытается разобраться в сути, в причинах случившегося, столкнувших два дружественных народа, используя порой аллегорию, призывая в свидетели авторитетные, знаковые личности грузинской истории, таких, как Шота Руставели, возлагая вину за страшное преступление на конкретных людей, но, ни в коем случае, не на нацию в целом.

Шота сказал: «Волнения мои
Мне не унять, покуда льётся кровь
Там, на земле. Мне по сердцу любовь
Меж нашими народами. Война
Попрала всё, чем жизнь была сильна.

И такая позиция естественна для глубоко порядочного и умного человека, воспитанного в традициях интернационализма

Уже двадцать пять лет, как воткнут в землю победный кинжал Войны!

Страна выжила, Абхазия возрождается!

И каждый год, четырнадцатого августа и тридцатого сентября в Абхазии зажигают свечи Памяти!

Говоря о книге «Отчизна», нельзя не отметить прекрасный перевод с абхазского на русский Натальи Ванханен. Думается – это тот классический случай, когда переводчик полностью «растворяется в авторе», становясь его единомышленником,

своего рода alter ego, тонко и верно чувствующего душу автора, замысел произведения и стиль повествования. Тем более, что это – роман в стихах.

И очень важна высочайшая оценка Натальи Ванханен произведения М. Ласуриа, отмечающей эпический характер романа в стихах «Отчизна», поставившей его в один ряд с величайшими эпическими произведениями мировой литературы!

И ещё! Совершенно очевидно, что книга Мушни Ласуриа является знаковым, уникальным событием последних лет! Она не только обогащает литературу Абхазии, заняв достойнейшее место в ряду выдающихся произведений, но будет, я уверен, вписана золотыми буквами в культуру и историю Республики.

Книга эта, безусловно, является и новым, очень важным мостом между братскими культурами народов России и Абхазии. Тем более, что Абхазия, её культура, издревле была частью нравственной и духовной территории большого Русского Мира, и именно сейчас идёт благотворный процесс восстановления и укрепления самых различных культурных связей обеих стран. И потому автор, образно выражая, по сути, мнение своих земляков, восторженно восклицает:

«Меня к России издавна влекло.
Её стальное мощное крыло
Несло меня в неведомую высь.»

«Общеписательская литературная газета»
№ 12 (109), декабрь 2018 г

АБХАЗСКОЕ ЦАРСТВО В ДОМЕ РОСТОВЫХ

Одиннадцатого марта в актовом зале Международного сообщества писательских союзов прошла презентация книги «Абхазское царство. Эпоха Баграта II. 978-1014» Дениса Чачхалиа.

Двери особняка Ростовых далеко не впервые гостеприимно открываются для представителей культуры и писательского сообщества Республики Абхазия.

Только за последний год здесь были презентованы – сборник абхазских поэтов, в переводах на русский язык, и книга стихов «Родник бессмертия» известного поэта, председателя Союза писателей Абхазии Вахтанга Абхазоу, изданных в рамках программы МСПС по поддержке национальных литератур.

Денис Киршалович Чачхалиа, выпускник Литературного института им. М. Горького, известный и уважаемый в Абхазии и в Москве литератор: – прозаик, поэт, переводчик, член Союза писателей СССР, Союза писателей Абхазии, Союза писателей России, за последние годы издал несколько научных трудов, посвящённых истории и культуре Абхазии.

Книги «Джигетский Сборник», «Абхазская Православная Церковь. Хроника. Прибавления», «Трехпритворная композиция храмов средневековой Абхазии и ее влияние на архитектонику памят-

ников Алании, Руси и Трапезунда» вызвали огромный интерес у специалистов и читающей публики, став, по сути, библиографической редкостью.

Книга «Абхазское царство. Эпоха Баграта II. 978-1014», представленная автором, является, с его слов, этапным изданием, частью задуманной серии трудов по истории Абхазии. События, описанные в книге, ограничены временными рамками, ибо относятся к годам правления абхазского царя Баграта II.

В течение вечера Денис Киршалович обстоятельно и убедительно комментировал текст книги, разъясняя различные детали и нюансы, совершив экскурс в прошлое страны, рассказывая присутствующим в зале как о событиях, предшествовавшим описанным, так и произошедших позднее. Использую для наглядности картографические материалы.

Ответив на вопросы гостей, завершая вечер, Денис Чачхалиа заметил, что, «хотя Историю часто пытаются облачать в различные одежды, в угоду кому-то», и не исключены высказывания оппонентов, он готов к обсуждению своих работ, к любой цивилизованной дискуссии.

Уверен, что очередная презентация книги абхазского автора в Москве является важным событием в процессе дальнейшего сближения культур народов России и Абхазии.

«Общеписательская литературная газета», № 4 (113), апрель 2019

СОДЕРЖАНИЕ

НА ФОНЕ ГОР СЕДЫХ

Из тетради «Абхазская пастораль» 5
Осень в Абхазии 6
Отважным покорителям Аконкагуа! 8
Предчувствие зимы 10
Киновари мазок осторожный... 11

МУЗЫКОЙ ДАЛЬНЕЙ

Музыкой дальней... 13
Зябкий воздух... 14
Я ангела видел 15
Валдай 16
Отворю я замок позолоченной клетки... 17
Пространство над нами 18
Кровавый закат 19
Ночь, как птица 20
Во сне, кудрявый, как Давид... 21
Ночь несёт на крыле волшебство... 22
Я счищу, как старую краску, печаль... 23

АВГУСТА ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЁТ…

Абрис гор, если снизу смотреть... 25
Памяти Саиды Делба и всех героев,
не вернувшихся с войны 28
Свечой, что пламенем дрожит... 29
Сны о войне 32

ИЗМЕРЕНИЕ СИНЕГО

Контур неясный синеющих гор... 35
Вариации для синей струны 37
Путешествие с художником в страну души 39

ПРОЛЕТАЯ КУКУШКОЙ НАД ЧУЖИМ ГНЕЗДОМ

У «Аллей» в плену 43
Парафраз 45
Дружище Байрон, ночь темна... 46
В лабиринтах туманных сознанья... 47

ДЖАЗ. «КАМЕРТОН»

Синий ромб, а может, квадрат... 49
Дрожит во тьме глазок зелёный... 51
Песок в часах смиренно утекает... 52
Бутыли мутное стекло... 53
Таял в дымке далёкий причал... 53
Вокруг полуночи «‘Round Midnight» 54

АККОРДЫ ТЁМНОЙ СТРУНЫ

Гранадою Лорки 57
Над улицей, бегущей с горки... 57
Как кровь, стекают строки... 58
Над слёзной родиной поэта... 59
Аллеей тёмной сквозь ажур беседки... 60
Снов уютных, предрассветных... 61
Подсвечник медный, вечер, свечи... 62
Аллеи сумрачных теней... 63

ИЗ РАННЕГО

Укутал город полог звёздный... 65
Восток окрасил цветом крови... 67
Узор ограды, парк, платан... 68
Тихо вечер опустился... 70

И НЕМНОГО СОЛНЦА В ХОЛОДНОЙ ВОДЕ

Звонким утром осеннее Солнце... 73
Дивные ночи в Амстердаме 74

СТАТЬИ. ЭССЕ. ОЧЕРКИ

Памяти Нелли Тарба 76
Памяти погибших в латской трагедии
14-го декабря 1992 года 81
Боль стучит в наши сердца… 81
Памяти Кандида Тарба 84
Ко дню рождения Тараса Мироновича Шамба 87
Памяти Гиви Смыр 96
Абхазия отмечает юбилей Баграта Шинкуба 98
Абхазы в Москве 102
Отзыв о книге Валерия Дзыба «Псху-Кува» 108
Отзыв о книге народного поэта Абхазии
Мушни Ласуриа – «Отчизна» 111
Абхазское царство в доме Ростовых 117

Делба Владимир Михайлович

Я СЧИЩУ, КАК СТАРУЮ КРАСКУ, ПЕЧАЛЬ

Редакторы: И. Ряховская, Э. Фаустова
Оформление и компьютерная верстка
Марина Чайкина